

ЭРНСТ ВЕРНЕР

ПАНТУРКИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Пантуркизм — это сравнительно молодое растение в саду националистического и шовинистического идола. В прежней Османской империи панисламизм скорее всего был священной государственной идеологией, решительно отрицавшей всякую национальную особенность мусульманских народов, пропагандировавшей и практиковавшей насильственную исламизацию всех немусульманских народов¹.

С точки зрения панисламистов в империи существуют только два народа: мусульмане и христиане. Первые обязаны объединиться в братстве и совместно выступить против «неверных». Сознательно проявилась забота о тюркско-османском языке, насыщенном арабско-персидскими словами, а литературный турецкий язык, который заимствовал из арабского и персидского лексикона выражения и обороты и который даже образованные турки могли понять лишь с помощью словаря и комментариев, рассматривался как жемчужина и цвет османской поэзии и культуры². Панисламизм отвечал интересам феодально-клерикальной верхушки, которая всеми средствами стремилась сохранить единство империи и выступала против всякой формы национально-освободительного движения. Это положение панисламизм утверждал также и в XX веке, поэтому В. И. Ленин в своих набросках тезисов по национально-колониальному вопросу решительно осудил панисламизм, так как он в этой своей форме до самых своих корней реакционен и укрепляет позиции «ханов, помещиков, мулл и т. п.»³.

Турецкое национальное движение берет свое начало с 60-х годов XIX столетия. Так называемые юнгосманы (в Европе их называли младотурками) вначале выступали в качестве реформаторов языка. Они требовали очищения литературного языка от многих инородных элементов, чтобы сделать его понятным для широких слоев народа. Слово «турк», которое официально употреблялось в презрительном (болван, мужик) смысле — государственное название гласило *Devleti Aliye* (высшее правительство), — младотурки возвысили, они воодушевлялись народной поэзией и повсюду выискивали песни и эпос. Младотурки происходили из военнослужащих, чиновников и интеллигенции. Они делали попытки посредством либеральных реформ залатать империю, которая трещала по всем швам. Они подстрекали крупные народные восстания в Боснии, Герцеговине и Болгарии в 1876 году к общегосударственному восстанию. Спустя несколько месяцев была обнародована первая турецкая конституция. Следуя французскому об-

* Доклад профессора, доктора Эрнста Вернера, прочитанный в кругу исследовательской группы «Балканистика» при Лейпцигском университете им. Карла Маркса, печатывается с журнала „*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*“, Heft 8, 1965, Берлин.

¹ О массовой исламизации в Болгарии, которая началась в XVI в. и продолжалась до начала XVIII в., интересные документы собрал П. Петров: *Асимилаторската политика на турските завоеватели*, София, 1964, стр. 140—244.

² Vgl. H. J e h l l i t s c h k a, *Türkische Konversations-Grammatik*, Heidelberg, 1895, S. 2; J. N e m e t h, *Türkische Grammatik*, Sammlung Göschen Nr. 771, Berlin—Leipzig, 1917, S. 40; H. A. Y ü c e l, *Ein Gesamtüberblick über die türkische Literatur*, Istanbul, 1941, S. 100.

³ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-ое, т. 31, стр. 127. Теоретическим поборником панисламизма был находившийся в качестве гостя при дворе Абдул-Гамида II персиянин Джамал эд-Дин Афгани. Ср. N. B e r k e s, *The Development of Secularism in Turkey*, Montreal, 1964, S. 267—270.

разцу, она гарантировала всем своим подданным свободу личности и равенство, неприкосновенность собственности и жилищ, справедливое взимание налогов, свободу печати, а также учреждение двухпалатного парламента. В осуществление этой программы все же не верили сами ее инициаторы, однако они пытались проложить путь для европейских держав, которые требовали от султана проведения реформ⁴. Вряд ли султан Абдул-Гамид II в 1877 году из-за этого встретил затруднения, когда аннулировал конституцию. Одновременно он запретил движение младотурок, прилагавших усилия соединить национализм с панисламизмом⁵.

Идеи этого движения продолжали жить в умах многих офицеров и интеллигентов. Возник тайный союз конституционных монархистов, носивший на своем знамени лозунг „İttihat ve terakki“ (Единение и прогресс). Союз настаивал на радикальном изменении шаткого внутриполитического положения. Нетурецкая буржуазия также симпатизировала ему. На обоих парижских конгрессах младотурок 1902—1907 годов принимали участие также и представители угнетенных в империи народов — армян, арабов, албанцев и болгар. Когда младотурки в 1906 году перенесли свою деятельность в Македонию и Албанию, они сразу же установили контакт с освободительным движением балканских народов⁶. Под влиянием русской революции 1905—1907 гг. наметился революционный подъем, нашедший резонанс и в среде крестьянства. Вооруженное восстание началось 3 июля 1908 г. в Резне и вошло в историю под названием «младотурецкой революции». Победоносные революционеры в 1909 г. свергли ненавистного султана Абдул-Гамида II. Арабов, армян и болгар они объявили братьями турок. С этим они связывали надежды, что эти народы останутся в единой империи и не будут сопротивляться турецкому правлению.

Как и следовало ожидать, вскоре они столкнулись с национально-освободительным движением балканских народов, а также армян и арабов. Очень скоро «османнизм» превратился в дикий шовинизм, конечно, не последнюю роль в этом сыграло также и влияние шовинистического угара в империалистических странах, таких, как Англия, Германия и Россия.

Центром «превращенного» учения стали Салоники, где группа „Yeni hayat“ (Новая жизнь) стояла на позициях радикального национализма. Девиз этой группы был: «Мы должны быть самими собой, это значит — мы должны создать нашу культуру по нашим национальным традициям и приспособить ее к своим собственным возможностям. У Европы мы должны перенять лишь методику и технику»⁷. В 1911 году центральный комитет младотурецкой партии (İttihat ve terakki) провозгласил исламизацию и туркизацию всех подданных империи. В этом решении также значилось: «Империя должна быть мусульманской... Инородные элементы должны отказаться от права иметь особые национальные организации... Турецкий язык является замечательным средством для

⁴ Ю. А. Петросян, Из общественно-политической мысли в Турции в XIX в. Краткие сообщения Института народов Азии, 71, Москва, 1964, стр. 96. За ценные ссылки, здесь и в других местах, благодарю я господина профессора-доктора Э. Энгельберга, Берлин. Об отношениях, с одной стороны, Намык Кемалю и его друзей, а с другой — Абдул-Гамида II и реакционных теократов подробно см. у N. Berkès, a. a. O., S. 223—250.

⁵ Д. Е. Евгеньев, Вопросы этногенеза турок в турецкой исторической литературе; Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии; Труды Института этнографии, 83, Москва—Ленинград, 1963 г., стр. 72; E. Z. Karal, La transformation de la Turquie d'un empire oriental en un état moderne et national, in: Cahiers d'histoire mondiale, 2, IV, 1958, S. 435.

⁶ D. Djordjević, Révolutions nationales des peuples balkaniques 1804—1914, Belgrad, 1965, S. 208 f.

⁷ Tekin Alp, Türkismus und Pantürkismus. Deutsche Orient-Bücherei 11, Weimar, 1915, S. 7.

установления господства мусульман и ассимиляции элементов инородного происхождения»⁸.

Там, где беспощадная деятельность по туркизации не обещала успеха, младотурки прибегали к методу физического уничтожения нац. меньшинств, как это было с армянами в 1915 году⁹. В марте 1912 года был основан «Турецкий очаг» (Türk Ocakı), куда допускались только лица турецкого происхождения, и двери его были закрыты даже перед магометанами других наций. Его устав требовал: «Работать для национального воспитания турецкого народа, — важной составной части исламизма, — для повышения его интеллектуального, социального и экономического уровня, для совершенствования турецкого языка и турецкой расы»¹⁰. В то время Зива Гёкалп писал, что турецкую расу нельзя испортить развратом и алкоголем, как другие расы. Напротив, в прошлом турецкая кровь закалилась в прославленных боях¹¹. Отныне почва для панисламизма идеологически и политически была подготовлена. В своей первой фазе, т. е. между 1910 и 1914 годами, пантуркизм выступал за тесные культурные и политические контакты всех народов тюркского происхождения. С этим он связывал надежды, что придет день, когда все турки смогут объединиться в одном государстве¹².

Поэт и народный писатель Зия Гёкалп, занимавший руководящее место в младотурецкой партии, после первой балканской войны стал герольдом «туранизма». Иррационализм и мистицизм окутывали его политические концепции в желанный полумрак. Он писал: «Мысли, которые будоражатся в моей крови, являются отзвуками моей истории. Славные дела моих предков я читаю не на мертвых, пожелтевших и покрытых пылью страницах истории, а в моих венах, в моем сердце. Мой Аттила, мой Чингиз, эти героические образы, создавшие гордую славу моей расе, на запыленных страницах истории изображены покрытыми недоброжелательством и клеветой распущенного окружения, позором и бесчестьем, в то время как в действительности они не ниже, чем Александр и Цезарь... Отечеством турок является не Турция и не Туркестан, это далекая вечная страна: Туран!». Для него Туран был отечеством великих турок¹³. Он должен протянуться от Стамбула до Средней Азии и навсегда уничтожить русское господство.

⁸ По французскому переводу в „L'Asie française“ № 171, 1917, стр. 174. Уже в 1909 году вырисовывался этот поворот. Еще тогда правительство начало запрещать политические организации балканских народов. Ср. D. Djordjević, а. а. О., стр. 210.

⁹ E. Sarkisyanz, Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917, München, 1961, S. 51.

¹⁰ Tekin Alp, а. а. О., S. 27.

¹¹ A. N. Göksel, Ziya Gökalp hayatı, sanatı, eserleri (Жизнь, искусство и дело З. Гёкалпа), İstanbul, 1959, 37. Несмотря на это, Гёкалп, по меньшей мере до 1923 года, не защищал экстремистские расистские требования на Туркестан. В своем сочинении „Millet nedir?“ («Что такое нация?»), вышедшем в свет в журнале „Kıvılcık mestisi“ (Маленький ежемесячник), № 28, 1923, он категорически выступает против отождествления рас и нации. Расовые признаки не имели, мол, дела с социальными признаками. Турок выделяет не расовый характер, а их язык, ум и душа. Практический вывод из такого понимания — нельзя дискредитировать туркизированных инородцев. Арабы и албанцы воспитывались как турки и остаются верными турецким идеалам. «Вместе с нами они разделяли радость и горе, победу и поражение». Ср. Ziya Gökalp, Türkçülükün esasları (Основы тюркизма), İstanbul, 1952, S. 15 и 20. В этом собрании сочинений появилась статья под заголовком „Türkçülük nedir?“ («Что такое тюркизм?»).

¹² Vgl. Ch. W. Hostler, Trends in Pan-Turanism, In: Middle Eastern Affairs, III, New York, 1952, S. 3.

¹³ Ср. его большой сборник стихов „Kızıl Elma“ (Красное яблоко), İstanbul, 1941, 88 f. Таким же целям служили статьи, опубликованные в вышедшей в 1911 г. в Салониках газете „Genç kalemler“ (Молодые перья), вызывающие к жизни движение

Здесь уже явно выступают связующие нити с немецким империализмом, который едва ли не с 1903 года протягивал свои щупальцы к Анатолии, чтобы отсюда формировать свой новый план раздела мира. Он ловко распространял тезис об особом руководящем качестве турецкой расы, которая имеет де историческую миссию — взять под свое крылышко дегенерирующих арабских кочевников и крестьян: «Таким образом турецкая верхушка должна была крепко связаться с немецким империализмом и возместить убытки за счет своей собственной независимости»¹⁴. И в самом деле, Гёкалп сравнивает турок с пруссаками: «Как и пруссаки, которые объединили всех немцев, турки тоже должны собирать под свое господство всех тюрок»¹⁵. С немецкой помощью в среднеазиатских областях была создана целая агентурная сеть, и говорящие на тюркском языке народы подстрекались против царизма, который своей реакционной русификаторской политикой и панславистскими лозунгами оскорблял тюркские народы¹⁶. Во время первой мировой войны турецкие агитаторы сначала добились лишь некоторых успехов в Казахстане и Азербайджане¹⁷.

„Yeni Dil“ (Новый язык), к которому принадлежал также Зия Гёкалп. Он утверждал, что все тюркские народы составляют только семью турецкой нации, которая владеет одним общим языком. Таким образом, речь идет о том, что все тюркские языки являются только диалектами единого языка. Ср. Ю. В. Марунов, Пантюркизм и панисламизм младотурок (1908—1918 гг.), Краткие сообщения Института народов Азии, XLV, Москва, 1961, стр. 42. Подборка из его сочинения в английском переводе мне не была доступна, N. Berkes, Turkish Nationalism and Western Civilisation, Selected Essays of Ziya Gökalp, London, 1959.

¹⁴ L. Rathmann, Stoßrichtung Nahost 1914—1918, Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg, Berlin, 1963, S. 28, 88.

¹⁵ Ziya Gökalp, Türkçülükün esasları (Основы тюркизма), а. а. О. S. 28.

¹⁶ В. И. Ленин в 1914 году объявил беспощадную борьбу «великорусскому панславистскому шовинизму», Соч., изд. 4-ое, т. 21, стр. 5.

¹⁷ Интересные подробности об этом содержатся в книге С. А. Зенковского, которую следует использовать с осторожностью: Pan-Turkism and Islam in Russia, Russian Research Center Studies, Nr. 36, Cambridge, Mass. 1960. При рассмотрении вопроса автор делает обзор о том, что включение среднеазиатских ханств в состав Российской империи имело прогрессивное влияние. Хотя царизм рассматривал эти области в качестве колоний и делал попытки сохранить там феодальные порядки, но вследствие объединения с русским рынком в Среднюю Азию проникали капиталистические отношения. У русских поселенцев кочевники и полукочевники учились новым методам труда и знакомились с высокой материальной культурой. Стали выходить в свет газеты и книги не только на русском, но и на тюркском языке. Очень скоро казахи и киргизы приобщились к революционному рабочему движению, и многие из них во время революции 1905—1907 гг. боролись на стороне большевиков. Эта классовая солидарность в Великой Октябрьской революции принесла и угнетенным тюркским народам социальное и национальное освобождение. Ср. И. С. Брагинский (С. Радтабов), В. А. Ромодин, К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, «Вопросы истории», 8, 1953, стр. 21—40. Отсюда следует и дальше. Сефевидская религиозная политика препятствовала всякому сближению с суннитскими османами. И в XIX веке эта пропасть была пока глубокой. Ср. P. Oberling, The Tribes of Qaraca Dag. A brief history, in: Orlens, 17, 1964, S. 61. Пылкий пантюркист Шевкет Сюрейя Айдемир, который как молодой офицер в 1916 г. был отправлен на кавказский фронт и в 1918 г. в Азербайджане развернул деятельность за свои идеи, очень скоро должен был убедиться в том, что он гнался за мифом, которому никогда не суждено осуществиться. Ср. его автобиографию под названием: „Suuy arayan adam“ (Человек в поисках первоисточников), Ankara, 1959, цитируется по N. Berkes, in: Orlens, 17, 1964, S. 222.

Этот националистически-шовинистический поворот в политике младотурок ни в коем случае не принижал панисламизма. Все это использовалось прежде всего для того, чтобы воздействовать на религиозные чувства турецких мусульман и воспользоваться ими против движения арабов за независимость в Сирии и Палестине. Сознательно или несознательно это шло навстречу немецкой империалистической пропаганде, которая разжигала национализм еще при Абдул-Гамиде II, чтобы использовать его для своих собственных экспансионистских целей на Ближнем Востоке¹⁸. Начиная с 1909 г. стало заметно персонально сильное влияние на младотурок феодально-клерикальных кругов, стремившихся с помощью панисламизма сохранить Османскую империю и, если это возможно, расширить ее за счет России¹⁹. Комитет партии младотурок открыто заявил, что рядом с пантуркизмом панисламизм представляет политическую программу, которая служит усилению мощи Османской империи и расширению существующих ее границ. Партия использовала оба политических лозунга. Потому-то она поддерживала организацию панисламистской пропаганды как внутри страны, так и за границей²⁰.

Это направление продолжало существовать и после разгрома 1918 года, и турецкое национально-освободительное движение под руководством Мустафы Кемалья Ататюрка вначале носило сильную религиозную окраску. В феврале 1921 года в Сивасе был созван панисламистский конгресс, которым руководил шейх ордена сануси²¹. Подобно тому, как младотурки, которые в 1909 году подчеркивали общность конституционной монархии с законом ислама (*şarî'a*), кемалисты на первых порах тоже пытались установить *modus vivendi* с традициями²².

Но это объединение реакции с молодой прогрессивной буржуазией и анатолийскими крестьянами длилось едва до весны 1920 года. В марте британские войска заняли Стамбул, а в апреле шейх-ул-ислам объявил Мустафу Кемалья и национально-освободительное движение вне закона. Он заявил, что каждый мусульманин обязан убивать бунтарей, где только они ни покажутся. Султан Магомет VI собирал войска, которые должны были вместе с греками разгромить восставших в Анатолии. В ответ на это кемалисты собрались в Анкаре, в мечети Гаджи Байрам, и призвали всех мусульман освободить халифа из плена²³. После первой крупной победы над греками в январе 1921 года, Мустафа Кемаль сделал еще одну попытку сдвинуть султана с места, чтобы он имперским указом санкционировал Великое национальное собрание в Анкаре, но напрасно. Летом 1922 года турецкие освободительные войска разбили греческих агрессоров и прижали их к берегу. Это обеспечило победу кемалистов²⁴. Свыше одного миллиона греков должны были оставить свою малоазийскую родину. 1 ноября 1922 года Великое

¹⁸ So L. Rathmann, a. a. O., S. 29, Anm. 25, S. 82. Автор пользовался также документами главного архива Саксонии в Дрездене под №№ 1937 и 1938, которые сообщают сведения о панисламизме с 1905 по 1913 гг. Панисламизм, как его в конце XIX века приблизительно Гамал эд-Дын Афгани представлял, был двухполюсным. С одной стороны, он пытался объединить антиколониальную борьбу мусульман, а с другой стороны — сохранить феодальный режим. Младотурецкие руководители, как например Энвер Паша, использовали его в качестве идеологического оружия в борьбе против национального движения. Vgl. A. A. Guber und A. F. Miller, *Changements politiques et économiques dans les pays d'Asie et d'Afrique au XXe siècle*. XIe Congrès International des Sciences Historiques, Rapports II, Wien, 1965, S. 141.

¹⁹ Д. Е. Евгеньев, указ. соч., стр. 73.

²⁰ Ю. В. Марунов, указ. соч., стр. 40 и 43.

²¹ G. Jäschke, *Nationalismus und Religion im türkischen Befreiungskriege*, in: *Die Welt des Islam*, XVIII, 1936, S. 61.

²² В. А. Петросян, указ. соч., стр. 97.

²³ G. Jäschke, a. a. O., S. 63; D. A. Rustow, *Politics and Islam in Turkey 1920—1955*, *Islam and the West*, ed. by R. N. Frye, s'Gravenhage, 1957, S. 75 f.

²⁴ По этим событиям см. S. M. Sophocles, *A History of Greece*, Institute for Balkan Studies, Thessalonike, 1961, S. 355—357, und D. Pentzopoulos, *The Balkan Exchange of Minorities and its Impact upon Greece*, s'Gravenhage, 1962, S. 23 ff., 64—67.

национальное собрание (Büyük Millet Meclisi) объявило султана низложенным, а государство — республикой.

В марте 1923 года был упразднен халифат, ислам объявлен частным делом, было секуляризировано народное образование. Медрессы (религиозные школы) закрыли свои двери, были запрещены дервишские ордена и, наконец, как венец секуляризации, в 1928 году был введен латинский алфавит²⁵.

* * *

С этим радикальным отходом от старой Османской империи и ее порядков был связан крутой поворот от реакционной идеологии панисламизма и пантуркизма. В своем выступлении в Эскишехире в 1921 году Ататюрк открыто заявил: «Нашу доктрину составляют не исламское объединение и пантуркизм, а политика, основанная на логике. Политика правительства новых турок больше всего заботится о том, чтобы жить независимо и гордиться своим суверенитетом внутри национальных границ»²⁶. Как раз в этот момент он потребовал от турецких историков, чтобы они на основе исторической аргументации выступили против территориальных притязаний греков на Западную и итальянских фашистов на Южную Анатолию, так как эти державы также связывали свои территориальные требования с прошлым. Таким образом родилась хеттская теория, согласно которой хетты были праотцами турок и потому современные турки с древних времен имели свою родину в Анатолии²⁷. Именно таким путем война за независимость (millî mücadele) была тесно связана с войной за новое представление истории.

В 1931 году в Анкаре Ататюрк основал Türk Tarih Kurumu — Турецкое историческое общество²⁸. Год спустя был созван первый исторический конгресс новой Турции, на котором М. Ф. Кёпрюлю, тогда еще не примкнувший к реакционному лагерю Мендереса, выступил с основным докладом. В нем он подверг критике расизм, колониализм, империализм и западноевропейское востоковедение, так как оно видело в турках и восточных народах только варваров, которые благодаря лишь крестовым походам приобрели к высокой европейской культуре²⁹. Этот поворот был оценен столь позитивно, а контртезис столь отрицательно воздействовал на исследование, что надо было, в конечном счете, арийскому расизму противопоставить идол турецкого расизма³⁰.

Новый тезис гласил: турки являются не низшей расой, а принадлежат к арийским народам Средней Азии. Анатолия была тюркской еще задолго до сельджукского нашествия³¹. Тотчас же после закрытия конгресса возобновилась работа над запрещенным в Анкаре изданием большой всемирной истории. По настоянию Ататюрка уже в 1932 году вышел в свет первый том, который охватил древнейшую и древнюю историю и пытался положить в основу положения, утвержденные конгрессом и санкционированные государством. Как и следовало ожидать, в новой истории на турков выпала роль носителей главных исторических событий. Авторы второго тома, вышедшего в 1933 г., именно и посвятили описанию этой роли турок большую вводную главу (Тюркские народы в Азии и Европе). История ислама, более или менее, была приведена в соответствие с

²⁵ G. Jaschke, Das osmanische Scheinkalifat von 1922, In: Die Welt des Islam, n. s. I, 1951, S. 195 bis 228; G. L. Lewis, Turkey, New York, 1955, S. 70—111; D. A. Rustow, a. a. O., S. 76—79.

²⁶ Zittler von Ch. W. Holster, a. a. O., S. 3.

²⁷ E. Akurgal, Tarih İlmî ve Atatürk (Историческая наука и Ататюрк), In: Belleien, XX, Ankara, 1956, S. 583. Д. Е. Евгеньев, указ. соч., стр. 75.

²⁸ E. Z. Karal, Historiography In Turkey today, In: Middle Eastern Affairs, X, 1959, S. 320.

²⁹ I. Türk Tarih Kongresi, Istanbul, 1932, S. 45—47.

³⁰ Д. Е. Евгеньев, указ. соч., стр. 76.

³¹ E. Z. Karal, a. a. O., S. 320.

судьбами первых исламизированных тюрок. Каролинги, норманы, императоры и папы должны были довольствоваться 14 (194—208), великие сельджуки—12 (212—224) страницами, в то время как история тюрок в Анатолии занимала 107 страниц (225—332). Вышедший в том же году III том охватывал османскую историю до конца XIX в. Концепция этого периода целиком находилась под влиянием освободительного движения, поэтому феодальный деспотизм в нем изображен в черных красках, обойдена всякая героизация даже таких личностей, как Магомет II или Селим I. Четвертый том, подготовленный в 1934 году, посвящался истории освободительной борьбы и молодой Турецкой республике.

Так, в относительно короткий исторический срок новое государство получило в свое распоряжение руководство по истории, которое было принято во всех средних и высших школах в качестве основы воспитания и привносило в широкие народные слои новое представление об истории. Национальная окраска была очевидна. В то же время бросался в глаза его компилятивный характер, сильное влияние французских исторических концепций, у которых заимствовались лишь подмости и выбрасывалось все то, что нельзя было привести в соответствие с собственными представлениями.

Мустафа Кемаль сознавал эти слабые стороны. Поэтому он основал журнал «Belleten», который должен был содействовать тому, чтобы поставить турецкую историографию на собственные ноги. Прежде всего речь шла о том, чтобы поднять и дать новую оценку богатым архивным сокровищам³².

Так стало возможным, что в 1937 году турецкие историки, как, например, М. С. Энгин или Р. О. Арик³³, пришли на второй исторический конгресс с оригинальными работами. Еще при жизни Ататюрка стали вырисовываться новые пантуркистские тенденции. Они имели непосредственное отношение к победе фашизма в Германии. Шовинистические круги Турции нашли, что пришло их время. При поддержке немецких культурных обществ они развернули в стране яростную поджигательскую кампанию против СССР, обвиняя его в угнетении целой группы тюркских народов. В отличие от первой мировой войны пантуркские идеи были решительно отвергнуты тюркскими народами СССР, так как благодаря Великой Октябрьской революции они были освобождены от чужих и собственных эксплуататоров и приобрели национальную независимость³⁴.

Ататюрк открыто осуждал происки новых пантуркистов. Уже на втором конгрессе Республиканской партии в 1927 году он заявил: «Объединение всех тюрок в одном государстве—задача невыполнимая. Исторический опыт учит, что политика панисламизма и пантуркизма обречена на провал. Политическая доктрина, которую мы считаем осуществимой, является *millî Siyâset* (национальная политика)»³⁵. Он старался установить дружественные отношения с Советским Союзом, который поддерживал его в строительстве мощной индустрии. При его жизни такие деятели, как Зеки Валиди Тоган, не могли развернуться. Родившись в 1890 году в русском Туркестане, он в 1918 году примкнул к контрреволюции, выехал в Иран и Германию и домогался отделения Туркестана от СССР. В 1927 году его идейные соратники добились для него кафедры по турецкой истории в Стамбульском университете. В 1932 году за свои шовинистические и антисоветские взгляды он был выслан из страны. Как и следовало ожидать, он отправился в Германию, где оставался до 1938 года, до смерти Ататюрка, и действовал в купе с фашизмом³⁶.

³² По Е. З. Каралу в сегодняшней Турции имеется 60 миллионов документов, описанных в органе „*Tarih Vesiklari*“ (а. а. О., S. 321). О состоянии этих архивов см. L. Fekete, Über Archivalien und Archivwesen in Türkei, in: *Acta Orientalia*, III, Budapest, 1953, S. 179—205.

³³ II Turk Tarih kongresi Istanbul 1937, Istanbul, 1943, bes. S. 775—780, 874.

³⁴ Д. Е. Евгеньев, указ. соч., стр. 73.

³⁵ Kemal Atatürk tarihinden nutuk, c. II, Istanbul, 1934, S. 3; цитируется по Д. Е. Евгеньеву, указ. соч., стр. 75.

³⁶ Ch. W. Hostler, a. а. О., S. 7.

Уже в 1931 году, ссылаясь на первый конгресс историков, М. Ф. Кёпрюлю стал издавать «*Türk hukuk ve iktisat tarihî mecmuası*» (Турецкий журнал по истории права и экономики), носивший на своей обложке символ пантуркизма — бозкурта, серого волка. Это — зверь — самка, символизирующая родоначальницу турок. Языческие огузы несли их на своих военных знаках, а турецкие полки в 1914 году украшали ими свои знамена. Зия Гёкалп, сочинения которого после 1938 года опять стали популярны, дал целому тому своих стихотворений название «Красное яблоко». Кызыль альма (красное яблоко) относится к древнему османскому предсказанию, согласно которому когда-нибудь придет падишах тюрков, который завоюет языческую страну и твердо установит красное яблоко. Смотря по ситуации, это предсказание относили то к Константинополю, то к Риму³⁷. В своем стихотворении «*Kızıl destan*» (Красное народное сказание) Гёкалп в начале первой мировой войны обращается к солдатам с призывом: «Вражеские страны должны быть разрушены, Турция расширена и возведена до уровня Турана»³⁸.

Новые журналы, вроде «*Oghun*» или «*Tahtıdag*» (Гора бога), стали вырастать как грибы после дождя. Они одурманивали и отравляли умы молодежи. Оба заглавия связывались с языческим прошлым огузов и орантюрок. Этим выражалось стремление до некоторой степени перенести присущие древним тюркам силы героического прошлого на современность. Параллели с фашистским культом германцев более чем случайны. Один из учеников Тогана Р. Огуз Тюркан, который в 1936—1937 гг., будучи еще студентом, организовал тайный союз, издал в 1939 году «*Bozkurt*», открыто помогавшийся похода против СССР³⁹. В своей халтуре «*Türkçülüğe giriş*» (Введение в тюркизм) в 1941 году он писал: «Динамический тюркизм состоит из 20 миллионов турок в Турции и 100 миллионов на севере и на западе... Если тюркизм и Турция желают выжить, то они должны, не теряя времени, объединиться и, по меньшей мере, из 120 миллионов составить тюркскую нацию. Итак, что должно произойти? Если политические и исторические условия нам не принесут решения, тогда мы должны прежде всего решить свои турецкие проблемы. Мы должны в ближайшем будущем приступить к действию, позаботиться о тюркизме (*türkçülük*) и основать союз. Возможно завтра, а может быть и раньше, чем завтра» (стр. 116). Это было открытое объявление войны Советскому Союзу. Оно толкало Турцию на сторону гитлеровской Германии. От Тюркана был всего лишь один шаг до расизма Негала Азиза, учителя народной школы, который требовал очистить турецкую расу от всех нетюркских элементов, копируя стиль и манеру Гитлера.

Когда после битвы на Волге и развала африканского фронта стало очевидно поражение держав оси, в Анкаре спохватились. Соратник и доверенный Мустафы Кемала президент Исмет Иненю 9 мая 1944 года осудил пантуркистско-фашистские прорски и дал распоряжение арестовать 23-х особенно скомпрометированных представителей. Речь шла об университетских профессорах, офицерах и высших гражданских чиновниках. Они были приговорены к 10-ти годам каторжной тюрьмы и от 5-ти до 8-ми лет принудительных работ. Однако после победы над гитлеровским фашизмом... внешнеполитические отношения между СССР и Турцией обострились. В связи с этим стали разжигаться антисоветские настроения и уже в октябре 1945 года поступила кассация приговора и вместе с этим освобождение зачинщиков⁴⁰.

³⁷ Vgl. F. Babinger, Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropas und der Levante, Bd. I, München, 1962, S. 184 f.

³⁸ По Ю. В. Марунову, указ. соч., стр. 53.

³⁹ R. O. Türkhan. The Turkish Press. In: Middle Eastern Affairs, I, 1950. S. 142—149. Это характерно для позиции американской прессы, которая на своих страницах представляла место нападкам Тюркана.

⁴⁰ Ch. W. Hostler, a. a. O., S. 9 f. О переговорах по дарданельскому вопросу в 1945—1946 гг. между СССР, Турцией и США обстоятельно см. у Н. Н. Howard: The United States and Turkey: American Policy in the Straits Question (1914—1963) in: Balkan Studies, 4, 1963, S. 240—246.

Конечно, отныне пантуркизм старой чеканки из-за эксцессов 30—40-х годов настолько себя дискредитировал перед научной общественностью, что больше нельзя было прибегать к нему.

* * *

Медиевистика, которая с конца 30-х годов уделяла внимание древнему османскому периоду и находилась под сильным влиянием французских методов исследования, после второй мировой войны усиленно переходит к тому, чтобы с помощью новых источников доказать, что обширные территории Балкан перед османским вторжением были тюркскими и что только турки принесли славянам культуру и порядок. Это положило начало новому варианту пантуркизма и одновременно переоценке османской султанской истории, которая была отвергнута кемалистами, как мрачное время.

И в этом стремлении фашистские историки успели оказать поддержку своим турецким коллегам.

М. Браун в 1940 г. примерно в таком духе прославлял османское господство на Балканах, оценивая его как большой исторический прогресс, «который христианскому населению принес много бесспорных и существенных выгод... С их (турок.— Э. В.) вступлением прекратились войны и вместе с ними также все ужасы войны и опасности. Спокойствие и порядок фактически были первыми очевидными успехами турецкого завоевания»⁴¹. С. Алтундаг превозносил культурные и социальные достижения османов⁴². И. Узунчаршлы, ведущий османист в Турции и в определенном смысле духовный наследник М. Ф. Кёпрюлю, в своей объемистой «Османской истории» полемизировал не только с марксистской историографией, упрекая ее в незнании фактов и ненаучности, но в предисловии своего труда договорился до того, что, мол, турецкая экспансия для балканских народов была счастьем, так как она защищала их от жестокостей собственных господ и сделала их подданными справедливой власти⁴³. О. Л. Баркан, один из серьезных турецких специалистов по экономической и социальной истории, применял довольно смягченную пантуркистскую теорему к Балканам для того, чтобы доказать, что, мол, задолго до османского вторжения они были туркизированы. В качестве основного доказательства он приводит пример волжских болгар, печенегов и команов. Последние будто бы организовали валахов и руководили ими. Основатели II болгарской империи — поколение асов как раз приходило из семей команских предводителей, как, например, Шишманы и Тертеры⁴⁴.

Беспристрастные исследования показывают, что даже после османского вторжения не последовало тюркизации Балкан. Ф. Бабингер, большой знаток османской истории, ясно подчеркивает: «Как до, так и после (установления османского господства.— замечание переводчика — В. М.) несомненно христианское население составляло основную массу... Болгары и греки всегда имели численное превосходство»⁴⁵.

С приходом к власти Демократической партии во главе с А. Мендересом в 1950 г. реакция всплыла на поверхность. До 1945 года у власти находилась Народная партия,

⁴¹ M. Braun, *Türkenherrschaft und Türkenkampf bei den Balkanlawen*, in: *Welt als Geschichte*, 3/4, 1940, S. 128 f.

⁴² S. Altındağ, *Osmanlıların ilk devrelerindeki Türklerin kültür ve sosyal durumları hakkında bir kaç not* (Некоторые замечания о культурном и социальном положении турок в первый период османского господства), *Ankara Univ. Dil ve Tarih-Göğrafya Fakültesi Dergisi*, XX, 1943/44, S. 519—529.

⁴³ I. H. Uzunçarşılı, *Osmanlı tarihi*, Bd. I, Ankara, 1946, S. XX f. 74.

⁴⁴ Ö. L. Barkan, *Aperçu sur l'histoire des problèmes agraires des pays balkaniques*, in: *Revue de la Faculté des Sciences Économiques de l'Université d'Istanbul*, 7, 1946, S. 133 f.

⁴⁵ F. Babinger, *Die Osmanen auf dem Balkan. Völker und Kulturen Südost-Europas. Kulturhistorische Beiträge*, München, 1959, S. 204.

основанная Ататюрком. Под сильным американским влиянием господствующий класс после победы союзников формально перешел к «демократизации», что привело к созданию оппозиционной партии. Новая партия воспользовалась недовольством масс, вызванным возрастающей дороговизной и антикоммунизмом. Она упрекала Народную партию в том, что последняя якобы делала слишком много уступок коммунистам. На Национальном собрании М. Ф. Кёпрюлю требовал запрещения Социалистической партии.

Правительство Мендереса вновь ввело в школы религиозное обучение в качестве обязательной дисциплины, и от него освобождались лишь те ученики, родители которых настойчиво просили об этом. Духовники мечетей во время молитвы должны были вновь пользоваться арабской формулой⁴⁶. В 1951 году Национальное собрание ассигновало 1/4 миллиона турецких лир на издание религиозных книг, а в 1952 году правительство дало разрешение османским принцам вернуться на родину. Теологический факультет вновь распахнул свои двери, а арабский шрифт появился в мечетях и на религиозных знаках⁴⁷.

Советский турколог А. С. Тверитинова теперь уже оформившуюся историческую доктрину пантуркизма свела к четырем пунктам:

1. Во время своего вторжения турки стояли на более высокой социально-экономической ступени развития, чем византийцы и балканские славяне. Поэтому они имели более совершенную форму государственной организации, которую распространили на покоренных.

2. Вследствие этого они освободили греков, болгар, боснийцев и сербов от собственного феодального ига.

3. Турецкое государство продолжало национальные традиции тюркских народов, не знавших ни классовых противоречий, ни классовой борьбы. Более того, оно защищало социальные и национальные интересы всех подданных.

4. Причины разложения и распада империи нужно искать в отходе «государственных мужей» от традиционных национальных принципов господства. В правящие слои проникли нетурецкие элементы, заставившие изменить курс⁴⁸.

Почти у всех турецких медиевистов эта схема фактически считается доказанной. Отсюда разумеется, что во время диктатуры клики Мендереса опять заговорили экстремистские пантуркистские настроения.

Именно так удалось Решид Сафвед Атабинену в своих писанинах распространять псевдонаучное представление об истории, которое он пропагандировал также за пределами Турции, издавая книги на французском языке. Так же как и Баркан, он утверждал, что Балканы были тюркскими еще до османов. От Аттилы до Магомета II он насчитывает 50 крупных переселений народов, из коих 35 состояли из тюркских элементов. Они якобы заселили Вардарскую и Придунайскую низменности, Родопы, Добруджу, часть Сербии, Хорватии и Боснии и приняли христианство. Болгарские богомилы были христианизированными турками. Их протест якобы может оцениваться как азиатский позитивизм против византийского христианства. Богомилство существенно облегчило завоевание османами Балканского полуострова. В Болгарии якобы еще до XIV в. утвердились

⁴⁶ G. Jäschke, *Der Islam in der neuen Türkei*, in: *Die Welt des Islam*, n. s. I, 1951, S. 177.

⁴⁷ D. A. Rustow, a. a. O., S. 96, und A. Haluk Ülman (F. Tachau, *Turkish Politics: The attempt to reconcile rapid modernization with democracy*, in: *Middle East Journal*, 19 (Washington), 1965, S. 159). Было явно заметно, что крестьянское население Анатолии, как это установил широко проведенный опрос, рассматривало религиозные реформы правительства Мендереса как несовершенные и безрезультатные. Многие видели в них политический маневр и обман масс. Ср. с этим интересные высказывания R. B. Scott, *Turkish village attitudes toward religious education*, *The Muslim World*, 55 (Hariford), 1965, S. 222—229.

⁴⁸ А. С. Тверитинова, Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии, «Византийский временник», VII, 1953, стр. 9.

крупные тюркские колонии, которые имели несравненно высокую культуру, чем славяне. Древние турки приветствовали османов как своих освободителей и братьев и т. п.⁴⁹

В этом научно-замаскированном памфлете интересен лишь поворот с Востока на Запад. Туранизм поколения Тогана и Гёкалпа остался в стороне, так как среднеазиатские советские республики не проявили к нему ни малейшего расположения и лишь выслушивали отдаленные вопли апостолов великотюркской империи; и к тому же полное поражение фашистских покорителей Востока заставило их почитателей задуматься.

Турецкое же меньшинство в Болгарской Народной Республике, наоборот, напрашивалось как восприимчивый объект для пантуркистской пропаганды. 220 000 турецких переселенцев, покинувших Болгарию в 1950—1951 гг., вскоре, однако, насытились благими обещаниями турецкой «свободы» и стали ходатайствовать о возвращении на свою старую родину, где им было предоставлено обеспеченное социальное существование⁵⁰.

После падения правительства Мендереса в 1960 г. в турецкой медиевистике наблюдается усиленное стремление примкнуть к высокоразвитой методологии французских коллег по истории и выбросить за борт обесценившиеся пантуркистские взгляды. Такие исследователи, как Иналджык, М. Т. Гёкбилгин, М. Инандж, а также Е. Л. Баркан приступили к интенсивным историческим исследованиям, которыми оказали большую услугу международной османистике, так как поземельные и налоговые книги XV—XVI вв. помогают нам расширить и уточнить наши знания об экономической и социальной структуре Османской империи. Монографии, которые основаны на материалах, почерпнутых этим путем, окупаются подлинной дискуссией марксистских историков с их турецкими коллегами⁵¹. Остается надеяться, что и другая сторона уделит должное внимание марксистской османистике и на деловой основе будет проведена настоящая дискуссия. В конце концов Международное общество изучения юго-восточной Европы должно стать для этого надлежащим форумом.

⁴⁹ R. S. Atabinen, *Les apports turcs dans le peuplement et la civilisation de l'Europe Orientale*, Istanbul, 1952, S. 32 ff., 46 ff., 60.

⁵⁰ Описания событий Н. Пантацопулосом весьма спорны и нуждаются в ряде уточнений по официальным болгарским материалам, которые, однако, мне не были доступны (*Balkan Minorities under Communist regimes*, in: *Balkan Studies*, 2, 1961, S. 41).

⁵¹ Я назову здесь только Иналджыка, *Documents on the Economic and Social History of Turkey in the 15th Century*, in: *Revue de la Faculté des Sciences Econ. de l'Univ. d'Istanbul*, 15-16, 1953 до 1955, S. 44 ff.; ders., *Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar* (Исследования и источники о времени Магомета II), Ankara, 1954; M. T. Gökbilgin, *Rumelide yürükler, tatarlar ve evladı fatihan* (Yürüken und Tataren In Rumelien während der Eroberung), Istanbul, 1957; Ö. L. Barkan, *Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'Empire Ottoman aux XVe et XVIe siècles*, in: *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 1, 1958, S. 9—36.